

Сергей

Соловьев

— Кем вы были в своей первой жизни?
— Козленочком!

Вячеслав

Добрынин

Могу сказать, кого люблю. Алла Борисовна — вне конкуренции.

Джонни

Моррисон

Скажет ли кто, что капитан хрустального корабля шел по ложному пути?

Новелла

Матвеева

Складно ли?.. В верлибре и раешнике никогда не бывает «складно».

НЕОБЪЯВЛЕННЫЙ ВИЗИТ

По центральной и единственной улице села Нашего несся младший Шведенко и орал:
— Тарелка!! Тарелка приземлилась!
Участковый Чернопулов на лету подхватил пацаненка и сурово спросил:
— Чего фулюганишь?
— У старой березы! Я за грибами пошел... Начал сикать, а тут — они... Ш-ш-ш-ш-ш... — и прилетели.
В голубых глазах младшего Шведенки была такая правда, что Чернопулов прыгнул на мотоцикл, сунул свидетеля с головой в люльку и затарахтел к дому председателя. По дороге он зычно отдавал приказания всем встречным:
— Анна! Беги открывай правление...
— Федотыч, рысью собери узкий актив!!
— Степановна, забуди своего, чтобы — быстро!!
Через пять минут узкий актив сидел в правлении и курил.
Председатель колхоза Петр Кузьмич Головащенко крикнул и поднял участкового:
— Говори, паникер! Суматохи тут развел...
— Товарищи актив! — сказал Чернопулов и поправил пистолет. — Пацан правду кричал. Нужно будет тарелку встречать. Я дружинников оповестю...
Из-за спины участкового выглянул младший Шведенко и заголосоил:
— В телевизор звоните!! Тарелка!! Чтоб мне школы не видать!!!
— Цыть! — скомацдовал председатель и обратился к своей правой руке, бывшему парторгу Козлову. — А ты что скажешь?
— Надо встретить — встретим, — уверенно сказал Козлов. — Я по старой памяти мероприятия набросал...
— Молодцом! — похвалил председатель. — Давай!

И Козлов — дал! 107 пунктов! И все логично одно из другого вытекает: хлеб-соль, транспорт, лозунги, музыка, осмотр памятника героям коллективизации, экскурсия на ферму, посещение детского садика, визит в простую крестьянскую семью, концерт художественной самодеятельности, возложение венков к монументу жертвам коллективизации, банкет, сувениры...
— Молодцом! — похвалил председатель. — Дай, гляну...
— Молодцом, — опять сказал он через минуту, но уже так сказал, что у главного бухгалтера Поповой покраснело в декольте, а участковый Чернопулов прикрыл Шведенко-младшего телом...
Председатель Головащенко весь налился малиновым:
— Ты чего же это, Козлов? В мое кресло захотел? Так — скажи! Отдам!! Но марсиан этих... самых... к себе на ферму не пуцуй!
— Петр Кузьмич! — защебетал Шведенко, — вы не волнуйтесь! Они — по воздуху передвигаются! И по нашей ферме зараз пройдут!! Не завянут...
— А — цыть! — рыкнул председатель. — Всем — цыть! Козлов, ферму — вычеркивай! Садик — тоже. Это какую же черную душу нужно иметь, чтобы показывать марсианским товарищам наше счастливое детство?! И митинг — к сатане! — Вычеркивай! Трибуну украли. А вот встречу в семье — оставь. Завклубом Кружкин — встретит.
— Петр Кузьмич, — опять защебетал младший Шведенко. — Они просили... Это, как его? Неофициально... Просто посмотреть... Ну, и, может, подарить нам чего...
— Не надо нам чужого! — отрезал председатель...
Бывший парторг Козлов вдруг спокойно сказал:
— Все учтено, Кузьмич... На ферму — к соседям повезем. У них недавно итальянцы гостили. Коровы еще чис-

тые. В детский сад — в город! В двадцать пятый! Туда со всей области возят. Там детей — как медведей выдрессировали, на шести языках... Насчет самодеятельности — тоже есть идея: сейчас в город на гастрольи Кобзон приехал... Скажем, что это — наш! Допр... Никто же проверить не будет... Если Кружкин хорошо примет — мы ему холодильник выпишем... Как матери-героиньше...
Председатель громко сел на стул и посмотрел на Козлова большими детскими глазами:
— Ну, ты и хитрый!!! Быть тебе в Москве! Давай, подпишу...
— Нельзя!!! — закричал младший Шведенко. — Нельзя!!! Они же — мысли читают!
— Какие мысли? — насторожился Головащенко.
— Всякие! Какие в голову придут!!
Главный бухгалтер Попова охнула и тихо дала себе клятву, что не подпустит к себе тарелку на пушечный выстрел. Завклубом Кружкин ехидно подумал: «Заморятся читать!», а у бывшего парторга Козлова и так все мысли были на лице...
— Читает, говоришь? — переспросил председатель.
— Ага! — радостно ответил Шведенко.
В общей гробовой тишине председатель встал и громко разорвал все сто семь козловских мероприятий:
— Слухай меня внимательно, Шведенко, — тихо сказал он. — Сюда слухай, как отца родного! Иди назад к этой березе и гони ты их к... В общем, чтобы духу не было!! Скажи, что батька... на конференцию конюхов умотал... Мать, скажи, в библиотеке... Конспектирует... Эту, как ее? Кружкин подсказал:
— Ахмантову...
— Вот, точно... Старики, скажи, — в театре. Шекспира глядят. А в дом, скажи, посторонних пускать не велено. Натопчут. Скажи, чисто у нас в доме! Живем хорошо!!
Сразу за околицей участковый Чернопулов и младший Шведенко увидели толпу Нашенской молодежи. Она бежала навстречу мотоциклу и кричала:
— Тарелка!! Мы — первые видели!! Только что улетела!! Звоните в телевизор!!!

БАРАБАНОМ

Премьера «Ассы». Рядом — Виктор Цой. Слежу за его реакцией. Молчит. Весь в черном. А потом со сцены он говорит: «Когда сочиняешь музыку, в голове должен стучать барабан»...

перво ИСТОЧНИК

Есть люди, которые у всех на слуху, которые часто появляются на телеэкране и которые редко надоедают. Хочется еще и еще раз общаться с такими собеседниками. Один из них...

Однажды приснился сон. Еду чистым полем на трехколесном велосипеде. Вдруг — дуб. А за ним три дороги расходятся. По какой отправиться? Туда раздается сильный свист и спрыгивает с дуба Соловей-разбойник. И совсем не страшный. Мужик-мужиком, с бородой, в глазах лукавинка — этаким крепыш. «Куда путь держишь?» — спрашивает. «Да вот хочу велосипед на «Мерседес» поменять», — отвечаю. «Окрути дуб три раза и попадешь в заветное место». Только так сделал, как исчез дуб и оказался я у высокого сетчатого забора, за которым стояли такие шикарные лимузины, каких даже в кино не видел. Подъезжаю к воротам, а на них большое объявление: «Санитарный день». Как поступить? Оставалось только проснуться. Что я и сделал.

А утром у меня была назначена встреча в Театре на Таганке. И вот, идя полутемным безлюдным коридором, набредаю на Сергея Соловьева. Поздоровались. Неожиданно заметил в его глазах чертовщину с явным вопросом: «Ну что, поменял велосипед?» Ошарашенный взглядом, я сделал несколько шагов и оглянулся. Никого. Пустой коридор. Тишина...

Мистика? А почему бы и нет? То, что Сергей Александрович Соловьев личность незаурядная — вне всякого сомнения. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть любой из его фильмов или прочитать авторское интервью, так часто появляющиеся в прессе. Да, Сергей Александрович идет на контакт с нашей братией, но избирательно. Для него очень важно знать тему разговора.

Так, перед нашей беседой Соловьева снимали независимые телевизионщики. Они, как обычно, долго выставляли свет, выверяли кадр, а потом началась игра в пинг-понг: вопрос — ответ, вопрос — ответ... Но тема их разговора была достаточно серьезной: авторское право и интеллектуальная собственность в России, а точнее — их полное отсутствие. Сергей Александрович привел такой пример государственного разбоя и пиратства. Его фильму «Наследница по прямой» присудили третью категорию, что по официальному статусу означало полное дерьмо. И тут Соловьев узнает, что «Наследница...» побывала на престижном международном кинофестивале, где завоевала главный приз. Так вот чиновники от кино не только не поздравляли лауреата и не отдали режиссеру заслуженную награду, но даже не поставили его об этом в известность. И уже совсем анекдотично звучит следующий факт. Спустя месяц Соловьев с большими сложностями проникает ночью в кабинет главного кинобосса страны с единственной целью: посмотреть на свой приз.

Соловьев — человек настроения. Задаю ему первый вопрос.

— Как вы относитесь к журналистам?
— Нормально. Как ко всем остальным людям. Есть опытные, сильные журналисты, есть — ни так, ни сяк. Каждый со своей причудой, со своим многообразием жизни, со своими человеческими слабостями. Это не особенные люди — это часть человечества.

Отлично! Мы (и я в том числе) — часть человечества. Стало быть, можно продолжать разговор. Попробую зайти с другой стороны.

— Давайте представим ситуацию, что вы стали Президентом России. Какой бы был ваш первый Указ?

— Нет-нет-нет! Это совершенно невозможно. Я бы никогда не стал Президентом России. Потому что политика — это профессия. Очень сложная профессия, и всякие дилетантские фокусы типа: «Я бы каждому раздал по бутылке водки», как обещает господин Жириновский, — это не для меня. Давайте оставим эту тему.

Облом! Значит, что-то не так. Меняю пластинку.
— Кем вы были в своей первой жизни, до того, как стать режиссером?
— Козленочком!

Ага. Получил по носу. Это мне за «Президента России». Придется перейти на тему «кино».

— Вы учились в мастерской у Михаила Ильича Ромма. Это был мощнейший курс...

— Понимаете, это был не мощнейший курс и не какое-то чудо педагогики Ромма. А это было время, потребовавшее определенный род людей, — в том количестве, которое было необходимо. Было две волны. Первая — конец 50-х годов, вторая — начало 60-х. Многие из наших состоялись как художники. А потом почти два десятилетия жуткой тяготы. Разница между нами и теми способными молодыми людьми, хорошими режиссерами, заключалась в том, что мы начинали вместе, поддерживали друг друга и понимали, что существует такое понятие, как «поколение». А следующие за нами пробились в одиночку. В одиночку — трудно.

— Возьмемся за руки, друзья...
— Нет. Возьмемся за руки, друзья... — это одно, а то совсем другое. Есть реальная практика жизни, а «возьмемся за руки, друзья...» — это то, когда от тебя что-то требуют. Это романтика.

Действительно, годы, отмеченные Соловьевым, поколение «шестидесятников» дали такой всплеск в отечественном кинематографе, что вряд ли он еще повторится. Кто не слышал и не знает имена таких кинорежиссеров, как Хуциев, Панфилов, Смирнов, Митта, Басов, Положа, Фирсова, Гордон, Чхеидзе, Михалков, Жалакьявичюс, Чухрай, Гайдай, Кончаловский, Алов, Наумов, Швейцер и... простите те, кого я не вспомнил. И пусть все они учились у разных мастеров и на разных курсах, но все они принадлежат одному времени, одному поколению. Поколению Шукшина и Тарковского, сотворившему «золотой век» в отечественном кинематографе.

— Первую вашу картину «Спасатель», которую...
— Это вовсе не первая, а пятая или шестая.
— Но в ней столько романтики.

— Нет. Это все разные вещи. «Спасатель» я снимал на склоне 70-х, и она не имеет никакого отношения к моим ранним работам. Для меня «Спасатель» — переломная картина.

Конечно, не первая. Она была первой для меня, как для зрителя. И в этом виноват наш кинопрокат. А первыми картинами Соловьева были «От нечего делать» и «Предложение» — экранизация рассказов Чехова.

...И вдруг на экраны страны одна за другой врываются: «Асса», «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви» и «Под звездным небом». Врываются резко, хлестко и звучат, как звонкая пощечина всему обществу. На экране полный бедлам, отсутствие какой-либо логики, танец абсурда. Но так ли это? А не напоминает ли наша реальная жизнь кадры этих фильмов? По-моему, реальная жизнь преподносит ситуации и похлеще, чем те, о которых рассказывает Соловьев. Просто они у нас растянуты по времени, а в кино все сконцентрировано. Мы смотрим собственные сны, сжатые до минимума. Те самые сны, от которых едет крыша.

— Сергей Александрович, ваши фильмы «Станционный смотритель», «Сто дней после детства», «Чужая, белая и рябая» сняты в «традиционно привычной» форме. И вот появляются: «Асса», «Роза...», «Дом...». Ни одна из них не похожа на другую, и создается впечатление, что над каждой работав совсем другой режиссер. Я попытался определить: что объединяет ваши фильмы. И пришел к такому выводу: ваше творчество обращено к душе человека, к вселенской любви. Так ли это? Может быть, я ошибаюсь?

— Я об этом говорил много раз. Повторю еще. Меня не надо обвинять в альтруизме — меня интересует только одна тема: существование идеального и реального. Можно это назвать и душой человека, как угодно. Но при этом я хочу подчеркнуть, что меня интересует присутствие идеального во всем многообразии реального: социального, исторического, космического. Я протестую против того реального тела, которое мы изучали в советской школе. На идеальное было наложено табу. Все мы оказались недоучками.

Сергей Соловьев говорил четко, не делая пауз, будто читал с листа. Конечно, художник давно сформулировал отношение к собственному творчеству, а потому в его фразах явно ощущались купоры, столь понятные Соловьеву и остающиеся за

кадром для меня — зрителя.

И здесь мне вспомнилась другая история, косвенно связанная с темой нашего разговора. В ноябре 87-го в Союзе кинематографистов состоялся премьерный показ кинокартины «Асса». Потом началось обсуждение. На сцене и в зале был полный кавардак — поклонники и противники фильма рвались к микрофонам. Так случилось, что мне пришлось сидеть в зале рядом с Виктором Цоем, и я украдкой наблюдал за его реакцией на происходящее. Цой был невозмутим. Одетый во все черное, он будто носил траур по снятой картине. А я все пытался ответить на мучивший меня вопрос: почему режиссер пригласил Виктора сниматься в своем фильме? Что их объединило?

Обсуждение подходило к концу, слово взял Соловьев. Он довольно быстро овладел аудиторией, сделал выводы, поблагодарил за аргументированную критику и предоставил слово Цою. В зале даже не знали о его присутствии. Минут пять Цой не давали говорить, аплодировали. Виктор выступил очень коротко, но емко. А потом произнес фразу, которая ответила на суть моего вопроса. «Когда сочиняешь музыку, в голове всегда должен стучать барабан». Вот что связывало режиссера и музыканта. Вот что, наверное, является ключом к пониманию творчества Соловьева.

— Вы не последний человек в Союзе кинематографистов, являетесь художественным руководителем объединения «Круг» на «Мосфильме», сами находите в постоянном тренинге, как действующий режиссер-постановщик. И вдруг: телевидение! SAS! Зачем вам нужна еще одна головная боль?

— Мне это совсем не трудно. Если бы мне было неприятно, противно, то я бы не делал эту передачу. Тем, кто смотрит SAS, все должно быть предельно ясно.

— Одна из ваших передач была посвящена кинодраматургу Геннадию Шпаликову. Вы просто стоите в кадре на фоне пруда и рассказываете. И невозможно оторваться от экрана.

— С точки зрения подачи это меня очень увлекает, поскольку такая передача — другая форма, которая случайно изобрелась и которую я пытаюсь закрепить и разнообразить. Еще один виток развития той же темы.

— Интересно, как вы готовите ее, придумываете сюжет, делаете заготовки? Как часто возникает импровизация?

— Заготовки делаются не столько в самой передаче, сколько в результате жизни. Просто я хочу разобраться с собственной памятью.

Удивительно, как все легко и изящно решает Сергей Александрович. Возможно, в скором времени мы узнаем, что Соловьев в своем «Круге» решит мировую задачу «квадратуры круга». Чем черт не шутит? Тем более, как мне кажется, они не чужаются друг друга.

— Есть ли у вас какие-нибудь пристрастия? Любите ли вы, например, пиво?

— Нет у меня никаких пристрастий. Я люблю работать, я люблю снимать. Если пиво мешает работе, то я его не пью. А если нет, то почему и не выпить?

— Какие творческие мысли будоражат вашу душу? Что мы сможем увидеть в обозримом будущем — после окончания вашей работы над фильмом «Анна Каренина»?

— «Анну Каренину» я закончу лет через пять. Нет денег ни на один костюм. А нам их нужно восемь тысяч. Нет денег на обои, реkvизит, ни на одну декорацию. Поэтому я так далеко не заглядываю.

— А смета?
— Нет сметы. Ее бессмысленно обсуждать. Сегодня мы составим смету, а завтра дикая гиперинфляция всю ее сожрет. И тем не менее — парадокс! — деньги есть.

— Сейчас действительно в отечественном кинематографе положение достаточно серьезное...

— Стоп! Не надо пугать. Положение в кино очень хорошее. Замечательное. Возьмем недавно прошедший фестиваль «Кинотавр». Я посмотрел конкурс, который имеет такое глупое название «Кино для избранных». В нем было представлено 12 картин и все они превосходнейшие.

— Но их никто больше и не видит.

— Это совсем другое дело. Здесь вина не кинематографа, а кинопроката. Вы не повторяйте прошлого заблуждения, что мы имеем дело с кризисом в кино. Никакого кризиса нет. Сейчас замечательная полоса абсолютно свободного, бесцензурного, серьезного, творческого кино. И даже в самых плохих картинах идет чрезвычайно инцидентный и серьезный поиск контактов. Есть работы, снятые отвратительно, пошло, с голыми бабами, с выстрелами, с «чернухой», но они тоже делают по-своему серьезное дело. В них пытаются обнаружить какой-то нерв, неформальный, не придуманный сверху, союз со зрителями. Не надо плакать над тем, какое у нас ужасное кино, а давайте радоваться тому, что оно у нас есть.

— Но как сложно найти деньги? Вы сами говорили об этом.

— Ничего сложного. Все, кому не лень, снимают и находят деньги.

— А «Анна Каренина»?

— Это суперпроект. Денег под нее — сколько угодно. Дают спонсоры. Дело в том, что эти деньги очень трудно реализовать в необходимые материалы. Поэтому это уже разговор о промышленности. Наша промышленность расхристанна до такой степени, что невозможно найти кусок хорошей тряпки. Это не вопрос кино — это вопрос ткани.

— Вы довольны своей жизнью?

— Нет. Довольны жизнью — самодовольные люди. Я счастлив, что мы живем в самую прекрасную эпоху — эпоху прощания с идиотской претензией на мировое господство. Мы становимся нормальными, живыми, человеческими людьми. Нам хотели уготовить избранническую долю особых людей, которые должны что-то такое себе сотворить. Поэтому период расставания с теми дурацкими идеями, которые привели нас к общенациональной катастрофе — нет для меня ничего счастливее. Нет ничего счастливее развала империи — этого омерзительного идиотизма, десятилетиями возвышающегося над миром. Я счастлив, вместе с огромным количеством людей, с которыми я дружу, что смогу жить до этих светлейших дней.

Донимал режиссера Сергея СОЛОВЬЕВА наш собственный корреспондент Вячеслав ЛОБАЧЕВ.

Запечатлел же Сергея Александровича в прекрасном расположении духа Александр ГЕРЖБЕРТ.

ЖЕНА ДЛЯ МАФИОЗИ, ИЛИ МАКАРОНЫ ПО-ФЛОТСКИ

Они прелестны, образованны. Они заполнили Европу. Они подобны внезапному наводнению. Прибывая по туристическим визам, через три месяца, если не выйдут замуж, возвращаются на родину.

Их уже никто не останавливает. Молодые женщины из России используют любые возможности, чтобы обосноваться на Западе. И самый легкий для этого путь, разумеется, — замужество. Вот почему все объемнее становятся многочисленные каталоги красавиц, жаждущих жить не в России, все больше становится брачных бюро, задача которых — познакомить славянок с холостяками Европы.

А первое такое агентство появилось в итальянском городе Ферраре, второе в Лондоне. В итальянском бюро в первые месяцы адресов и данных женщин в возрасте от 18 и аж до 58 лет было уже более двух тысяч. Среди желающих покинуть Россию и найти мужа в Италии — множество обаятельных, есть красивые и очень, с фигурами, которыми позавидует любая манекенщица, интеллигентные и образованные. Штаб-квартира агентства «Семейный очаг — 2000» находится на средневековой улочке в сердце города, его владелец — государственный чиновник Лучано Певератти, в первой половине дня он юрист, во второй — поверенный Купидона.

В его картотеке, конечно же, не только русские, есть и филиппинские, польские, мексиканские, тайландские невесты. Как считает Лучано, иностранки менее взыскательны и строги в требованиях к кандидатам на брак, чем итальянки, жаждущие непременно краси-

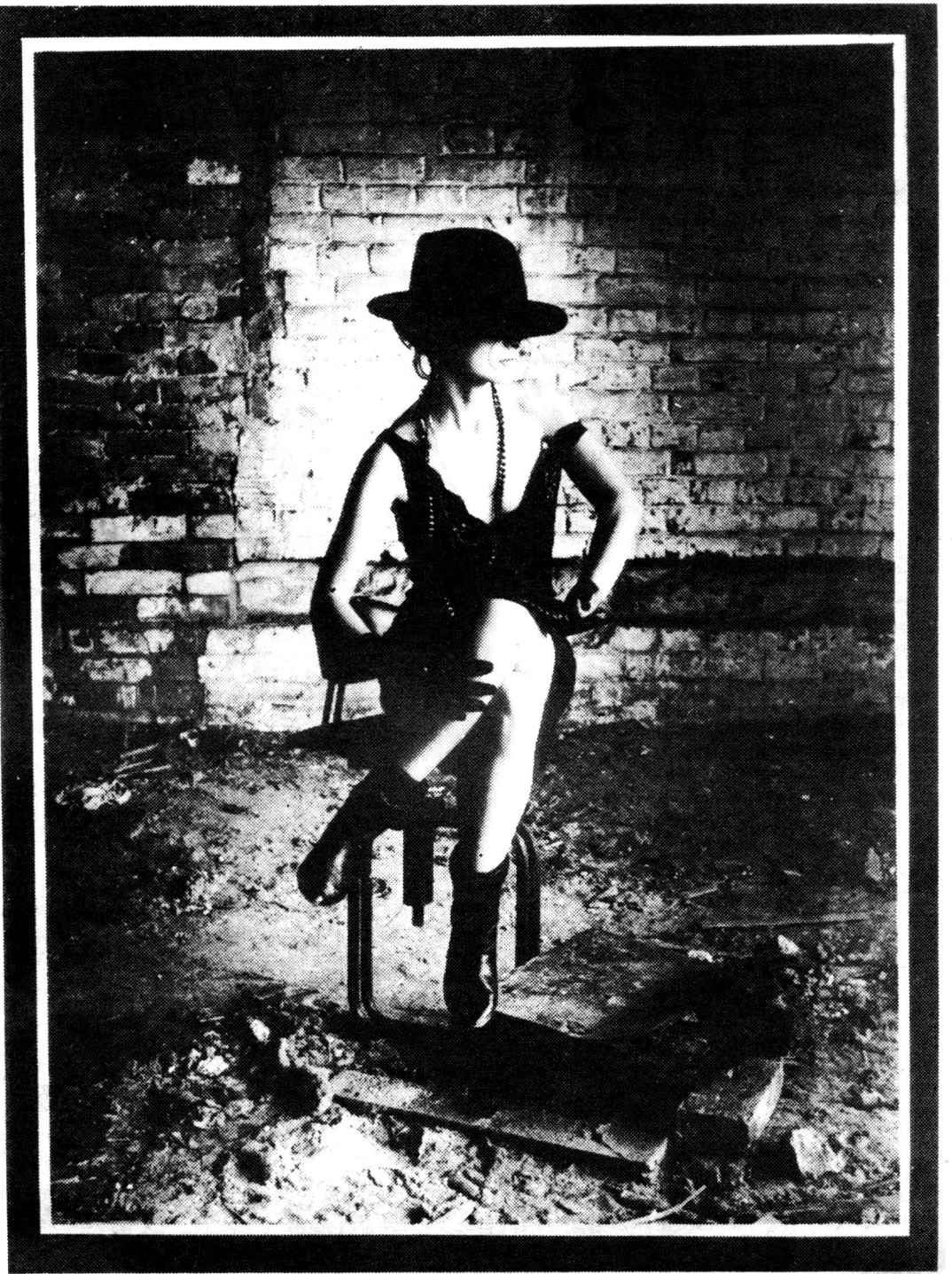
вых, богатых, умных, обладающих высоким положением в обществе супругов. Такие завышенные критерии становятся серьезной причиной для итальянских мужчин в поиске «местной» супруги. А девушки из Восточной Европы, Латинской Америки, стран Востока милы и сговорчивы, готовы вести дом, заниматься воспитанием детей, не жалуясь ни на что.

Некоторые кандидатки, чьи фотографии в картотеке бюро, уже бывали в Италии в качестве туристок и некоторые даже нашли будущих мужей, хотя последним их вояж на «смотрин» обходится недешево: необходимо предварительно внести 4 миллиона лир и взять на себя дорожные расходы предполагаемой невесты. Среди позволяющих себе эту роскошь — адвокаты, инженеры, преподаватели, торговцы, рабочие, словом, «средний класс»!

34-летний Антонио, с нетерпением ожидающий свою заочную «любовь», говорит: «Итальянки разочаровали меня, они думают только о развлечениях и набитом кошельке. Меня не пугает, что выбранная мною кандидатка № 84 не знает итальянского, как и я — русского, и что нам придется объясняться первое время чуть ли не жестами. Я — оптимист.»

Три месяца возможные мужья обязаны содержать своих гостей. Ну, а если роковая искра так и не вспыхнет?

Придется оплатить их обратный проезд и — «чао». Впрочем, большинство девушек делают все возможное, чтобы этого не произошло. ВИСТО, Милан.

РОДОСЛОВНАЯ

КРОВАТИ

Какое множество предметов окружает нас! И у каждого — своя история. Прежде они выглядели совсем не так, как современные. Кто-то придумал вилку и ложку, превратил стекло в зеркало, сделал более прочными ножки супружеского ложа.

Человек проводит треть жизни в горизонтальном положении. И только он имеет полное право заявить, что его место для сна несет в себе замечательную, полную различных дат и событий историю. Человек может быть зачат в лодке, свободно плывущей в морской шпире, может умереть в автомобиле, мчащемся со скоростью 300 километров в час, может появиться на свет в огромном авиалайнере. Но все же зачатие, рождение и смерть в большинстве своем случаются в постели, как и болезнь, как и любовь. Кровать — прежде всего сцена, на которой протекают главные этапы жизни.

Первым ложем человека, бесспорно, служила голая земля, позже на разных географических широтах он начал использовать подстилки из меха и кожи, потом получил распространение пришедший из Новой Гвинеи гамак. Устройство постели лучше всего определяло степень развития различных культур, и менялось оно в соответствии с нуждами, вкусом и даже фантазией человека.

Первый предмет, который стал использоваться для оборудования «кровати», — древняя подкладка под голову африканских, азиатских и полинезийских племен. Однако самые уверенные шаги к прогрессу кровать начала делать в Египте. Египтяне были мастерами роскошных церемониальных лож для гробниц, предназначенных для магического ритуала перерождения. В гробнице Тутанхамона было обнаружено несколько кроватей, представляющих собой большой интерес. Одна из них — обычная походная складная постель с восемью ножками, а другая, как полагают, принадлежала покойнику в потустороннем мире.

В «Одиссее» Гомер описал прекрасную кровать из дерева, инкрустированного

золотом, серебром и слоновой костью, покрытую меховым покрывалом. Типичное для крито-микенского периода, это ложе, подобно египетским, имело 4 ножки, изогнутую вместо подушки верхнюю часть.

В эллинистическую эпоху ложа начали использовать и как места для расположения гостей на банкетах, стали изготавливать их из металла. Кровати римлян и этрусков были эллинистического типа, но несколько ниже, а на так называемых триклиниумах возлежали сотрапезники, опираясь на локоть.

Большой рывок произошел в средние века. Миниатюры, фрески и скульптуры XI—XIII веков свидетельствуют, что кровать стала предметом искусства, ее окружали занавесью (балдахин известен в Европе с XIII века), чтобы взобраться на постель было легче, к ложу приставляли ступеньку или лесенку. Кровати делались все монументальнее, зачастую к спинке на резных ножках приделывали и 3—4 сундука для одежды.

Еще внушительнее и красивее стали кровати в эпоху Ренессанса, они украшались все богаче, пока резные ножки не превратились в целые колонны, поддерживавшие пышные балдахины. Тогда же появилась и предтеча «дневной кровати» — нечто вроде дивана с высокой спинкой, на котором можно было отдыхать среди дня. В времена барокко Людовика XIV, рококо Людовика XV и классического стиля Людовика XVI колонны наконец превратились в своды из дорогих тканей, а величина кроватей становилась все невероятнее. Сицилианские постели XVII—XVIII веков были из кованого железа или из толстых металлических труб, они-то определили моду XIX века, когда кровати делали из железа или разнообразных сплавов.

На Ближнем Востоке из-за климатических условий и религиозных установлений постель обычно располагалась на земле. Китайские ложа напоминали египетские. Во времена правления династии Мин, например, подушку заменяла твердая подкладка из дерева, стекла и даже фарфора.

Подобные грациозные функциональные ложа были, разумеется, очень далеки от эффектной «машинки для жилья», представленной в 1959 году на мебельной ярмарке, — супружеского ложа на колесах, которое может быть установлено в любых желаемых положениях, имеет приспособление для бритвы, разные виды освещения, устройство для дистанционного открытия дверей комнаты, где оно находится, для включения и настройки радио и телевидения, аппаратуру для массажа, электрочайник и кофеварку.

Постель всегда была чем-то вызывающим сильные эмоции, и даже беглое ее появление за полуоткрытой дверью в самом скучном голливудском фильме несет определенный заряд. Особый пафос был связан с ней не только в развитых обществах. Так, скажем, если молодому бушмену не удавалось поймать на охоте добычу, он был уверен, что кто-то в этот момент находился в постели его жены. В соответствии с верованиями многих первобытных племен, молодой человек может потерять свою мужественность, если приляжет на кровать старца. Да и сегодня еще суверенным не все равно, с какой ноги они поднялись с кровати. Среди народов Среднего Востока существует убеждение, что, если постель не сориентирована в направлении север-юг, следует ждать бессонницы.

Длинными зимними ночами кровать имеет одно неудобство: ложиться в нее холодно и неприятно. Издавна, чтобы избежать этого, предпочитали нагревать постель с помощью горячих бутылок, грелок с теплой водой, закутанных в шерстяную ткань, на смену этому позже пришли электрические одеяла. Аристократы в прежние времена позволяли себе использовать в качестве «грелок» детей и прислугу.

И сегодня еще существуют приверженцы идеи, что каждый должен спать один. Лондонский ученый Джеймс Грем считает, что если в одной постели во время сна два тела касаются друг друга, то нарушается нормальное физическое и эмоциональное равновесие обоих. С другой стороны, полагает он, если влюбленные спят отдельно, это только способствует увеличению их интимного желания.

А как следует одеваться, отправляясь в

постель? Существует особая мода на спальное белье, ночные рубашки и пижамы — мода со своими приливами и отливами. Но есть, конечно, многие места на планете, где люди из-за жары могут спать только раздетыми. В Средние века наготу считали признаком умеренности и целомудрия, в XV веке все поменялось, и изящество ночного белья дамы стало определять степень ее добродетели. Ночной наряд становится все изысканнее, пока культ интимной одежды не достигает своей кульминации: траурпространяется даже на ночную рубашку, которая должна была быть непременно черного цвета.

Зачастую кровать становилась поводом появления разного рода страхов. «Кто в ней прячется?» — подобный вопрос беспокоил многих в детстве, особенно после прочтения страшной книжки...

Одно дело — ложиться спать. Но для многих гораздо более трудный процесс — подъем. Кому не знакомо ощущение того, что нет ничего хуже, чем заставить себя встать после сладкого сна?.. А сколько часов провело человечество в постели, наслаждаясь любовью? Разве нельзя назвать это время прекраснейшим в его истории?

Однако постель существовала не только для сна и любви, например, в XVI веке в английской гостинице «Крейн» усердно использовалась «кровать смерти». У нее была странная особенность открываться внезапно снизу и отправлять спящего (обычно самого богатого из ночующих купцов) в огромный чан с бродившим пивом, находившийся под полом. Хитроумному владельцу, таким образом демонстрировавшему свое чудесное пиво, не угрожал недостаток в покупателях из числа «спасенных» постояльцев, готовых на радость купить что угодно.

Можно перечислить и некоторые имена людей из длинного списка тех, кто использовал кровать несколько иначе, чем другие. Например Руссо, Вольтер, Свифт и Твен писали, лежа в постели. Черчилль таким образом написал большую часть своего монументального труда «История второй мировой войны», Милтон создал свой «Потерянный рай». Россини столь любил постель, что если какая-нибудь испанская нотами страшица падала на пол, он предпочитал написать ее заново, чем встать и поднять лист.

Бесспорно, кровать могла бы рассказать много интересного о жизни каждого человека, ведь неслучайно знаменитый психоаналитик Фрейд своих измученных страданиями душевными пациентов укладывал на специальную кушетку, делившуюся потом с венским доктором тайнами сознания больных.

СТОРИЯ ИЛЛЮСТРАТА, Милан. Переводы Дианы ПЕРЕСОВОЙ.

Попс-фото:
Гульнара САМОЙЛОВА
УФА

ДРЕМ

мечта

«Стоп, правый борт! Дилинь-динь-динь! Стоп, левый борт! Вперед и направо! Малый ход! Динь-дилинь! Чу-у, чу-уу! Отдать ковец! Да живей, пошевеливайся! Эй ты, на берегу! Чего стоишь? Принимай канат! Носовой швартов! Накидывай петлю на столб! Задний швартов! А теперь отпусти! Машина остановлена, сэр! Дилинь-динь-динь!»

Первый абзац — не мой. Его я списал из увлекательной книжки Марка Твена «Приключения Тома Сойера».

Вспомнилось все это не случайно. На пароходе мы плывем по Миссисипи. Речка, конечно, самодельная, а находится она в Тихом океане...

Чувствую, пошла такая путаница, что сходу не разобраться. Поэтому лучше всего обо всем по порядку.

В Японии неподалеку от Токио расположен Диснейленд. Это своеобразная страна сказок, занимающая площадь в двадцать два гектара. Диснейленд сооружен на территории, отвоєванной у Тихого океана. Здесь десятки игровых павильонов, буквально нашпигованных современной электроникой. Самый простой — страна Тома Сойера. И в этом его обаяние...

Трехпалубный пароход, точная копия своего давнего предшественника, дал прощальный гудок, и мы тронулись в путь. Мимо проплывают зеленые берега. А вот и длинный, поросший деревьями остров с песчаной отмелью, где ночевал Том вместе со своими друзьями. Справа на берегу — горящая хижина.

Мальчишка с собакой ловят рыбу. Пароход огибают косу, и перед глазами предстает американский форт. В маленьких бойницах видны дула винтовок.

Путешествие по Миссисипи недолгое. И вот мы уже возвращаемся к причалу, где машет платками и шляпами толпа.

В павильоне «Джунгли» плывем уже на катере. Мельчайшей пылью обдаёт водопад. Кричат на ветках разноцветные попугаи, у самой кромки воды маячат красные бабочки...

Катер уходит дальше, в сплетение лиан. На шум поворачиваются гориллы. Они только что перевернули на берегу «джип» с путешественниками и сейчас потрошат их запасы. Вальяются консервные банки, рассыпана крупа.

Все просчитано, видимо, по секундам. Гулко расходится вода, и на свет показывается огромный крокодил. Продемонстрировав нам свою роскошную пасть, он устремляется наперерез. Проводник отстреливается из пистолета. И именно в эту же секунду на берег вылетает племя индейцев, размахивающее копьями. Передние воины натягивают луки. К поясам у них привязаны скальпы

бледнолицых. Впечатляет. Кое-кто в катере начинает себя чувствовать неуютно...

Хорошо, хоть позади солидная подготовка. После того как мы побывали в стычке с карибскими пиратами, сердца стали тверже. Если бы мертвецки пьяный одноглазый разбойник палил из пистолета в упор, и то ничего. А тут обычный зеленый крокодил.

Аттракционы в Диснейленде рассчитаны на людей крепких. Не зря же у входа в некоторые павильоны надпить гласит, что с больным сердцем вход противопоказан. Особенно это относится к Дому привидений.

Психологическая «обработка» начинается за-

долго до ворот. Мрачная аллея с корявыми деревьями, могильные плиты в паутине...

Наконец первый зал. Совершенно пустой. Лишь на стене портрет. Прежнего хозяина, что ли? Голос откуда-то с потолка вещает на японском языке, ничего не разбирает. На всякий случай делаю чинное выражение лица. И промахиваюсь, потому что речь идет о злом роке, уготованном для каждого из смертных, а вовсе не о заслугах типа, изображенного на портрете.

Вдобавок этот тип начинает стареть прямо на глазах. Вот ему сорок лет, пятьдесят, шестьдесят, счетчик крутится, и в конце концов над ошарашенной публикой смеется скелет. Раздается пронзительный женский вопль, раздвигается

стена, и не успеваешь опомниться, как оказываешься в кресле.

Хорошая штука, с надежными защелками, и рад бы убежать, да не убежишь...

Кресло летит по замку, и здесь уже полный набор чертовщины. И бал привидений, и плывущие по коридору свечи, и подземелье в паутине, и жуткий черный кот, и открывающиеся крышки гробов... Продумана каждая деталь, даже часы и те с цифрой 13.

Чувствуешь себя, как в плохом сне, особенно на шабаше ведьм. Завидев меня, они подняли такой радостный тарарам, будто я был по крайней мере их любимым племянником, которого они не видели триста лет. На шум сбежались все упыри и вурдалаки. Да-а.

А на закуску в Доме привидений вы можете полюбоваться своим перепуганным видом в зеркальной стене. Правда, приглядываешься и обнаруживаешь, что в кресле ты не один. Рядышком примостилось некое существо, смахивающее то ли на лешего, то ли на Вия. Леший ласково обнимает за плечи и что-то нашептывает на ушко. Видимо, приглашает не забывать и заходить почаще. Спасибо за приглашение!

После такого «полета» тянет передохнуть. Покататься на карусели, что ли, или посмотреть веселое представление на площади? Во всяком случае, острых ощущений уже хватает.

Павильонов в Диснейленде много, выбери на вкус. Дети отправляются в путешествие по сказочному городку. Их встречает веселая музыка и персонажи чуть ли не всех детских сказок. Бьют под самый потолок цветные фонтаны, как в калейдоскопе, меняются национальные наряды кукол, звучат песни.

Взрослые не пропускают космический павильон. Ракета поднимается вверх, к сверкающей холодной звезде, и потом проваливается в пустое черное пространство. Только свист в ушах от страшной скорости. Рядом проносятся безжизненные планеты, и в эти мгновения невольно ловишь себя на мысли, что так же несется во вселенских просторах Земля, единственная из известных мне, на которой существует жизнь.

Чего это от страшных историй повело в философию? Может, потому, что к вечеру в Диснейленде перенасыщаешься эмоциями и фальшивыми переживаниями и начинаешь раздумывать о подлинных человеческих ценностях?

«Всем, кто входит в страну сказок, на руку ставят невидимый штамп. В течение дня можно несколько раз выйти и вернуться обратно. На проходной стоит компьютер. Показал ладошку — и вперед!»

Не знаю, удастся ли когда побывать здесь снова? Хотя леший меня приглашал...

Олег ОЖЕГОВ.
Токио.

У Тхумы Нзумакасе из Зимбабве 24 жены и 139 детей. Ему 68, но он не желает успокаиваться. Еще три жены «на подходе».

Семейка живет на востоке страны, у границы с Мозамбиком, в патриархальном селении. Сам глава — целитель, к которому съезжаются многие страждущие и из соседних стран и годовая доход которого около 95 тысяч долларов (почти как у президента Зимбабве).

Его 32-летний сын Гонне исполняет обязанности секретаря, ведет бухгалтерский учет всех расходов и доходов многочисленного семейства. Каждую неделю приходится приобретать тонну кукурузной муки, 48 бутылок масла, 500 буханок хлеба, 80 килограммов сахара и одного вола, которого, впрочем, едва хватает на два дня.

Роза ОЛЕВА.

Специалисты бьют тревогу: за минувшие 25 лет биомасса медуз в Черном море увеличилась в 600 раз и достигла миллиарда тонн. Для студенистых обитателей моря, которых так недолюбливают купальщики, освободилась экологическая ниша, занятая ранее мелкой рыбешкой. Посодействовали распространению медуз и люди: это по их вине вода стала грязной, бурно развились водоросли.

Что же делать с новой напастью? Над этим вопросом задумались ученые. Для начала они предложили перерабатывать медуз на корм для скота. Созданы первые установки, дающие до тонны ценного питательного порошка в сутки. Белковые добавки увеличивают привесы животных.

Массовому внедрению установок противостоит иная точка зрения: скот лучше кормить травой и комбикормами, нечего выдумывать велосипед. Поэтому скорее всего медузы будут идти на удобрения. В них, кроме традиционного азота, масса других микроэлементов.

И еще одно применение назойливым морским существам нашли специалисты. Они предложили добавлять их в строительные растворы в качестве пластификаторов. А что? Возводили же в старину церкви на

яичном белке, и стояли они века. А медузы — та же белковая масса.

Ладно, скажут гости курортов, это ванны производственные проблемы. А что делать нам? Ведь в воду в некоторых лагунах невозможно войти. Вдобавок, говорят, что появились ядовитые медузы.

Успокойтесь, это неправда. Ядовитые медузы есть, только встречаются они в устьях рек, впадающих в Тихий и Атлантический океаны. Тонкие щупальца моллюсков имеют тысячи мелких кластков, выделяющих жидкость, по своему составу напоминающую змеиный яд. Против этого яда, способного убить человека, нет действенных лекарств. Настораживает тот факт, что несколько лет назад эта медуза была обнаружена у берегов Австралии, а сегодня ее встречают и в прибрежных водах Юго-Восточной Азии.

Не дай Бог, и к нам завезут. Завезли же с Атлантического побережья Северной Америки вместе с балластными водами гребневика — нахального родственника медуз. Экспедиция Института биологии южных морей АН Украины на борту научно-исследовательского судна «Профессор Водяницкий» изучила ситуацию и пришла к неутешительному выводу: гребневик захватил Черное море.

На родине гребневик ведет себя скромно: менают враги-конкуренты, которые сами не прочь его слопать. А у наших берегов, где рыночные отношения только начинают развиваться, гребневик развернулся вовсю. Он с удовольствием поедает не только планктон, но и молодую рыбу.

С килькой, тюлькой и прочей мелочью у нас и без того дела плохи. Много ее погибло в последние зимовки, по данным института ЮгНИРО — почти четверть. Теперь новая беда. Гребневик размножается со страшной быстротой. Новая севавтопольская экспедиция, за 70 суток прочесавшая все Черное море — от болгарских берегов до Батуми, от Дуная до Босфора, — уточнила: на квадратный метр акватории приходится ныне до двух килограммов массы гребневика. Эта цифра растет не по дням, а по часам.

Быстрыми темпами идет размножение агрессора у берегов Керчи. В этом городе только-только вышел на проектную мощность шпротный цех. Но перспектив у него нет, молодую гребневик поедает. Пора хищнику давать «отлуп». Но как? Фауна Черного моря не приспособлена к защите. Ученые всерьез заняты этой проблемой.

Владимир БЕЛИКИН.

Севастополь.

Он собрал стадион. Он напустил на стадион свой синий туман. Его болельщицы, визжа от восторга, стремились взять у него автограф. Все? Нет, не все. Когда подул крепкий ветерок интервью, синий туман рассеялся, и довольно четко обозначился заслуженный деятель искусств России Вячеслав Добрынин.

— Это один из его первых президентских Указов, что меня, конечно же, греет.

— Я предлагаю вам составить свой хит-парад, хит-парад от Добрынина.

— Я могу сказать, кого люблю. Алла Борисовна вне конкуренции. Считаю ее непревзойденным мастером. Из молодых мне очень нравятся Пресняков, Ира Шведова, МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС, КАР-МЭН и Титомир. Композиторов мне легче назвать: Тухманов, к сожалению, уже три года живет за границей. Раймонд Паулс, Игорь Николаев, Юрий Антонов и Александр Морозов. Вот такая пятерка.

— С кем бы вы предпочли в свободное время поговорить «за жизнь»?

— Мы это делаем постоянно. У меня много друзей, киноартисты Миша Боярский, Лена Ярмольник, Коля Караченцов. Со спортсменами хуже, приходится «режимить».

— А вы это дело любите?

— Выпивать?

— Выпивать.

— Поскольку я человек православный и хлебо-сольный, то это мне не чуждо. Из напитков предпочитаю водку.

— А со спортсменами вам, наверное, приходится смотреть мексиканский телесериал «Богатые тоже плачут»?

— Нет. Не видел ни одной серии. Зато мои родственники от него без ума.

— Говорят, этот телефильм не смотрят те, мимо кого пролетела амурова стрела.

— Мимо меня амурова стрела не пролетела. Есть у меня жена, есть вторая жена.

— У вас сразу две жены?

— Да, как в гареме. Конечно, я шучу. Просто — вторая жена и дочка от нее.

— Вы с ней на публике появляетесь?

— Иногда, в кулуарах.

— Можно ли сказать, что ваш внутренний мир — это «Казино», «Синий туман»...

— Вовсе нет. Мой внутренний мир гораздо глубже и богаче, чем те песни, которые получают. «Не сыпь мне соль на рану» — песня народная, но это не значит, что я ее буквально воспринимаю, со слезами на глазах, весь в слезах.

— Борис Гребенщиков сказал: «В моих песнях все. И мне добавить, пожалуй, нечего». Эти слова к вашему творчеству можно отнести?

— Борис, все что думает, высказывает в своих песнях. А я, заранее спроецировав будущего слушателя, пишу то, что хотят от меня услышать. В песнях надо дать квинтэссенцию состояния души, то есть песни должны быть направлены не на разум, а к сердцу.

— Несмотря на то, что чуть ли не каждая ваша вещь становится шлягером, ваши песни суперзвезды не поют.

— В разное время все пели мои песни. А сейчас я сам суперзвезда.

— Сегодня вы над чем работаете? Есть ли у вас новые проекты?

— Я возглавляю музыкальный центр. Задача центра — помогать молодым исполнителям: снимать видеоклипы, записывать кассеты, пластинки.

— Ваши пожелания.

— Я советую иметь терпение и оптимизм. Терпение, чтобы пережить все эти трудности, а оптимизм, чтобы верить.

— Спасибо, maestro, за интересную беседу.

— До встречи. Мы еще встретимся на этой земле не один раз.

Синий туман разогнал
Геннадий СОЛОХА
специально для «45».

Этот текст для посвященных. Для тех, кто вопреки системе и ее острым зубам старался ловить каждое слово Джима Моррисона и его DOORS. Для тех, кто не только слушал «Запишите на ваши магнитофоны», но, вооружившись «дикшенери», напрягая свои малые школьные познания в языке, переводил и примерял к себе философию «Хрустальных кораблей» и «Страшных дней».

Да будет земля Франции тебе пухом, Джим.

«Между обычным и неведомым DOORS (Двери)», — говорил Джим Моррисон, умерший 5 июля 1971 года в Париже, но и по сей день стоящий в полный рост на вершине.

Ему только семнадцать. Ему предстоит сниматься в фильме, посвященном Оливеру Стоуну. Имя его у всех на устах. Его стремительное восхождение подобно взрыву. Он — одна из обаятельнейших фигур в истории рока. Он — виновник всеобщей сумятицы и неразберихи. DOORS — дьявольские пасынки Америки. Это кто же рискнул помериться силами с самим Оливером Стоуном? Оливером — любимым детищем Голливуда. К тому же после Platoon, фильма, завоевавшего кучу Оскаров. Кто бросает вызов?

Джим Моррисон — самая экзальтированная и загадочная личность конца 60-х. Джим Моррисон — символ отрицания, ухода, восстания, наркотиков, свободы в любви, музыки и таланта. Рока.

Достаточно для одного фильма?

Его киногерой (а сам Джим?!), полная противоположность образцовому гражданину по имени Рон Ковик. Пока законопослушный Ковик вязнет в абсурдной войне, Джим — звезда — убивает себя в погоне за наслаждениями искусственного рая.

Даже если они оба не более, чем жертвы собственных иллюзий, сущность этих иллюзий — противоположна.

У Ковика — чрезмерный (а потому сомнительный) патриотизм и невероятное (патологическое?) чувство долга, у Джима, стоящего у дверей в космос, — жажда свободы и наслаждения.

Спустя 20 лет мир знает о заблуждениях Рона. Скажет ли кто, что Джим Моррисон — капитан хрустального корабля, несмотря на свой трагический исход, шел по ложному пути?

САМ И

Суперзвезда, ВОДКЕ, Я, Я, Я, мило МАН

СУДЬБА SERVICE

Ваши выигрыши? Любовь! Дружба! Работа!
«45-я параллель» и московское РИА «Арабеска» продолжают осуществлять оригинальный проект, носящий символическое название «Судьба-сервис». Вы хотели бы что-то круто изменить в собственной жизни — поменять профессию, заключить выгодный контракт, реализовать свои амбициозные идеи, найти любимого человека в России или за рубежом?

У «45-й параллели» как минимум, 450 тысяч читателей — в их числе зарубежные поклонники издания, живущие в странах Соединенных Штатов, Германии, Канаде, Франции, Израиле. Детище «Арабески» — «Деловой визит» — рассылается руководителем 52.000 предпринимателей по принципу «Direct-mail».

Текст, приложенный в «Судьбу-Сервис», должен содержать не более 45 слов, включая адрес. Разумеется, всероссийский и международный ежемесячник, равно как и его партнер «Деловой визит», публикуют только заранее оплаченные заявки, исходя из расценок: 20 рублей за знак.

Оплата производится в бухгалтерии ежемесячника «45» или по перечислению на наш расчетный счет № 467750 в Промкомбанке Ставрополя, РФ О 231211. В конверте с текстом объявлений должна быть обязательно помещена копия платежного поручения или квитанция о произведенной оплате.

Не клеятся дела?! Вам это знакомо?! Тогда звоните по телефону 2-76-34, 2-71-84 в Ставрополе. Фирма «Яконто-Юг» поможет.

Станки, электродвигатели, продукты питания, зерно, посреднические и биржевые услуги.

«Одиссей покидает Итаку» Василия Звягинцева — одно из самых увлекательных произведений последних лет. Невыразимые приключения сочетаются в нем с реальными характеристиками, размышления о подлинном прошлом — с догадками о фантастическом будущем.

Заказы на оптовые партии принимает Тольяттинская книжноэкспедиционная база (445043, Тольятти, Южное шоссе, 30); индивидуальные заявки (не менее чем на 10 экз.) адресовать в издательство «Кавказская библиотека» (355045, Ставрополь, пр. К. Маркса, 78, тел. 3-19-55).

Издательство ищет партнеров, располагающих полиграфическими материалами либо свободными средствами, для совместного выпуска следующих изданий:

Владислав Крапивин. Избранные фантастические произведения в 3 томах (иллюстр.);

Георгий Шумаров. Трилогия «Хирурги»;

В. А. Потто. «Кавказская война» (в 4 томах; репринтное издание);

«Хроника Мухаммеда Тахира-ал-Карахи» (записи секретаря Шамия; репринтное издание).

В. И. Коробко. «Золотая пропорция и человек» (научно-популярное издание).

Телефоны в Ставрополе: 3-19-55; 3-15-38.

Производство видеofilmов? Видеоклипов? Рекламных роликов? Нет проблем! Профессиональные режиссеры, сценаристы и операторы, прошедшие школы ВГИКа и ведущих киностудий, к вашим услугам.

Контактные телефоны в Ставрополе — 2-66-07, 6-57-04, в Невинномысске — 2-11-00.

ИСПАНСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ

Хэл ДРЕЗНЕР

В Бенидорме (Испания) Бенхамин Гарсия вступил в брак с транссексуалом Висенте Эспадас, ставшим Кати Корал. Эта первая такого рода свадьба в Испании — прецедент для гомосексуальных пар.

Молодожены влюбленно смотрели друг на друга. Она — высокая, красивая, с завитыми каштановыми волосами, украшенными цветами, одетая в белое платье, плотно облегающее фигуру, подчеркивающее отличные формы. Он — в изящном сером костюме. Для прохожих самое обычное событие — свадьба как свадьба, на первый взгляд. А вертевшие головой любопытные и не подозревали, что стали свидетелями первой в Испании женитьбы на транссексуале. Жених — по профессии кельнер — бракосочетался с 42-летним Висенте Эспадасом, за полгода до этого ставшим артисткой варьете Кати Корал.

Двое отлично понимали, что их союз вызовет много споров. Но это их не остановило. «Человек должен быть прежде всего честен перед самим собой. Это значит уважать и себя и других. Наши родители восприняли новость нормально, хотя и без особого восторга, однако и не впадая в истерику. Надо принимать вещи так, как они есть». Двоим влюбленным пришлось перебороть бюрократов, пока сотрудники мэрии не признали юридически, что Кати — женщина.

Их история достойна пера романиста. 6 лет назад, спустя некоторое время после демобилизации, Бенхамин приехал в Бенидорм в поисках работы. Он познакомился с будущей Кати в ночном клубе «Сол де Эспанья», где она работала, и влюбился с первого взгляда. Ему нравилось, как она поет, танцует, общается с людьми. Он дрожал от волнения, когда его представили Кати: «Когда мне сказали, что это — травести, я просто не мог поверить. В ней все было столь женственно. Я тут же перестал думать о том, мужчина она или женщина. Она мне нравилась, и этого было достаточно. Мы стали бывать вместе, рассказывать друг другу о своей жизни. Висенте поделился со мной намерением лечь на операцию, чтобы изменить пол. Он чувствовал себя женщиной и хотел быть ею. Дружба переросла в любовную связь. Каждый раз, обнимая ее, я чувствовал, что у меня в руках настоящая женщина. Это было странное ощущение». Спустя время двое решили жить вместе, не обращая внимания ни на какие кривотолки. «Люди просто не любят тех, кто не такие, как они. — вот и все. Теперь, через шесть лет, мы решили легализовать свои отношения, так как есть ли что-либо более нормальное для двоих любящих, которым хорошо вместе».

Висенте чувствует себя женского полу с тех пор, как помнит себя, он предпочитал девчачьи игры, одежду. Но детство кончилось, он становился все замкнутее. Самый тяжелый период ему пришлось пережить, служа в армии, поскольку он был объектом несправедливых насмешек. «Я хотела вернуть себе настоящий пол, исправить ошибку, совершенную природой». Операция обошлась в миллион песет. Дополнительные расходы потребовались и на формальности, юридически признавшие его женщиной. Затем пришлось выдержать еще и лечение — гормональные инъекции для перемены голоса, фигуры, формы груди, пластическую операцию и самое важное — замену полового органа (процедура, продолжавшаяся четыре часа). Перед кабинетом, как нервничающий будущий отец, ее ждал верный Бенхамин. «Я чувствую себя родившейся заново. Радуюсь жизни. Нужно уметь защищать свое естество. А сколько людей, боясь людских сплетен, страдают и заставляют страдать других. Я уверена, что я гораздо счастливее многих», — делится Кати Корал.

ИНТЕРВЬЮ. Мадрид.

СЕКС, ИГРА И ВИДЕО

Может ли видео быть грехом? Исследователь-сексолог Курт Штарке утверждает. «Нет!» Частный стриптиз перед видеокамерой — это всего лишь восхитительное выражение своего мнения о серых буднях жизни. Он таит в себе много смысла и приглашает принять участие».

Исследования показали, что на руках у семей из бывшей ГДР 900 тысяч видеомассет и 100 тысяч видеокамер, 6,5 миллиона видеокассет пополняют частные видеотеки, каждый двадцатый фильм сделан в семье. Многие семейные пары посылают свои видеокассеты на участие в различных конкурсах, как, например, эти шесть пар, представленных в журнале «Супер Иллю». Возьмем для примера семью Липперт. Героиня видеокассеты — Андреа Липперт. Ей 29 лет, рост 163 сантиметра, вес 53 килограмма, работает контролером службы качества в Техническом университете Дрездена, замужем с 13.7.90 года. Дочь — Кармен, восемь лет, от первого брака. Хобби — вождение автомобиля, музыка и диско. Оператор — ее супруг — Юрген, 31 год, строитель. Что он любит в своей жене? Ее естественность. Но самое главное — это ее фантазия в любовной игре.

Андреа: «У меня совершенно естественный подход к моему телу, сексу и эротике. Почему бы и нет? Я не придерживаюсь двойной морали, я наслаждаюсь тем, что имею. Я люблю все прекрасное. Охотно смотрю эротические фильмы или стриптиз-шоу».

Вечер после работы. Непринужденная атмосфера. Андреа начинает свое частное шоу. Она надевает тонкие чулки, длинные перчатки. Особое место уделяется макияжу. И супруги удаляются в свою парадную комнату. Звучит успокаивающая музыка. Поет Таниа Тикарамс. Андреа соблазнительно смотрит на Юргена, медленно вращаются ее бедра. Части одежды одна за другой падают вниз.

— И что, потом вы сразу переходите к «делу»?

Андреа смеется.

— Это зависит от настроения!

«А почему же только сугубо частно?» — подумали супруги Липперт и схватились за видеокамеру. Монтаж из самых лучших съемок они отослали на радиостанцию «РТЛ-плюс». И — успех! Они объявлены лучшей парой!

Андреа: «Я часто плаваю против течения, но мне хватает сил быть мужественной, наблюдать свое тело как нечто естественное. Мои друзья, знакомые сталкиваются лбами в противоположных мнениях, а мне доставляет удовольствие их провоцировать на это. Но люди, которые близки мне по духу, находят мое увлечение отличным занятием».

ШТЕРН, Гамбург.
Подборку подготовила
Жанна
КИСЛОВА.

ВАМ
ТОЛЬКО

ONLY for us

Шустрый человек в сером костюме, нервно дернувшись и словно приняв какое-то решение, прошел через весь вагон-бар с бокалом в руках и остановился перед Лоу.

— Не возражаете, если составлю вам компанию? — спросил он, сдержанно улыбаясь.

— Ничуть, — ответил Лоу и с интересом оглядел человечка — тому было лет сорок, на голове обозначилась лысина, сам он походил на эльфа — и убрал газету с соседнего по кабинке стула.

Человечек с благодарным видом уселся.

— Позвольте вас угостить, — произнес он.

— Нет, спасибо, — улыбнулся Лоу. — Норму железнодорожного пассажира я уже выполнил.

— А как насчет имбирного эля?

— Ну, ладно. Одну порцию. Благодарю.

Человечек заказал эль и для себя — виски. К тому времени, когда бармен принес напитки, он уже допивал то, что было у него в руках.

— Далеко едете? — спросил человечек, едва официант отошел от них.

— В Балтимор, — сказал Лоу.

— Я выхожу там же. В Балтиморе. — Он замолчал, поглядев на свой бокал, затем внезапно схватил его и осушил залпом. — Послушайте. Я понимаю, это может показаться смешным. Обычно я не вступаю в беседы с незнакомыми людьми, но сейчас мне необходимо с кем-нибудь поговорить.

— Путешествия поездом особым весельем не отличаются, — заметил Лоу.

— Дело не в том, — сказал человечек. — Совсем даже не в том. Вы не будете против, если я вам кое о чем поведаю? Лично вас это никак не коснется. Им нужен я, только я.

— Кому — им? — спросил Лоу, выказывая легкий интерес.

— Ну, синдикату или как они там себя называют... Не знаю. Какое безумие, что я оказался во всем этом замешан! Вы знаете, чем я зарабатываю на жизнь? Грузю в одной из контор Западного союза. И всю жизнь там, нигде больше. Начинать мальчишеским посыльным за десятку в неделю и добрался в конце концов до управляющего. Девяносто шесть долларов в неделю. Неплохо, а? Вы подумайте только — станет человек вроде меня связываться со всякой шпаной?

Вопрос был явно риторическим.

— А все мой братец, — продолжал человечек. — Мой старший брат. С самого детства я глядел на него снизу вверх. Он был умнее, он поступил в колледж, он открыл собственную адвокатскую практику. Делал по пятнадцать, двадцать, тридцать тысяч в год, но ему и этого было мало. — Человечек сомкнул ладони и пристально поглядел на них, словно читал книгу. — Ну, и оказался втянутым в одно неприглядное дело. Возможно, это произошло через какого-нибудь влиятельного клиента. Не знаю... И ничего об этом не знал до последнего времени. И вдруг недели две назад брат приходит ко мне и заявляет, что за ним охотятся. Рассказывает мне о каких-то документах, которые ему были переданы на хранение, и что теперь их нужно вернуть. И он вернул, а потом те люди каким-то образом узнают, что у брата остались копии.

— Человечек беспомощно пожал плечами. — Он рассказывал мне об этом так быстро и употреблял так много профессиональных терминов, что я с трудом понимал его речь. До меня только дошло, что он хочет, чтобы документы взял я. А я... А я не хотел! Говорю ему, спрячь их, мол, где-нибудь в другом месте, в банке, в сейфе, наконец. Мне-то, мол, зачем влутываться? Что я вообще понимаю в этих делах? Я человек простой, маленький. А он — ни в какую. Говорит, бумаги должны находиться в надежном месте, откуда в случае первой же необходимости он их сможет забрать. Казалось бы, почему ему не воспользоваться услугами собственной жены? И снова — нет... Не хочет посвящать ее. Для нее это все было слишком сложно, а вот я, его брат, — другое дело. Губы его плотно сжались, отчего на лице появилась гримаса одновременно злобная и беспомощная. Он посмотрел на свой пустой бокал, затем на нетронутый эль Лоу. — Вы определенно не хотите выпить?

— Нет, спасибо.

— Ну, а я закажу себе еще. — Он махнул рукой бармену. — Кажется, я во всю свою жизнь и дюжину бокалов спиртного не употребил, а сейчас у меня такое на душе!.. Пил бы и пил каждую минуту. То же и с табаком. Столько сигарет выкурил в последние три дня, что запаха их выносить уже не в состоянии. Я в животное превратился. Ничего не ем. Не сплю ни секунды. Все, на что я способен сейчас...

В этот момент к их кабинке приблизился бармен. Человечек замолчал и вновь заговорил лишь тогда, когда тот поставил на стол полный бокал и удалился.

— Они убили его, — продолжил он тихо. — Неделю назад брат был убит. Ему позвонили в дверь в девять часов вечера, он отворил, и в него выстрелили в упор шесть раз из автомата.

Пальцы его плотно сомкнулись на стекле бокала, зубы до белизны закусили нижнюю губу.

— Когда я услышал об этом, — проговорил он, с трудом сдерживая голос, — я сначала поверить не мог... Такое происходит с гангстерами, но чтобы с вашим родным братом?.. Несколько дней я был сам не свой. Потом вспомнил об этих бумагах. И знаете, как я поступил? — Он поднял глаза, словно умоляя об отпущении грехов. — Как последний дурак, — молвил он страстно, — вы представите себе не можете! Сжег их! Взял да и швырнул в мусоросжигающую печь, даже конверт не вскрыл. Я ж говорю вам: я все еще был не в себе. Только и думал о том, что брата убили из-за этих бумаг, поэтому и решил, что мне нужно от них избавиться. Каким же я был идиотом! Так вот: три дня назад они звонят мне. У тебя, мол, имеются кое-какие из наших документов. Я говорю, что ни о чем таком не ведаю. Вы, мол, ошиблись. И вешаю трубку. На следующий вечер — снова звонок. Теперь я отвечаю, что сжег их бумаги. Говорю, что даже в конверт не заглядывал. Поклялся им. И вы знаете, что они мне ответили? «Постарайся найти», говорят. И все. «Постарайся найти».

Человечек поднял бокал и сделал большой глоток. И когда бокал снова вернулся на стол, собеседник Лоу словно год в возрасте прибавил. — Вы представляете? — Я ведь пошел вниз, заглянул в печь. Думал, может, не все там сгорело, может, что-то осталось... — Ну, и?.. Ничего? — спросил Лоу.

Человечек покачал головой.

— Только пепел. И все. Вчера вечером они снова звонят мне. И назначают срок — через сутки. То есть они собирались прийти ко мне за бумагами на следующий вечер, а я должен был все им отдать. — Он вновь отхлебнул из бокала и поглядел на Лоу. — А что бы вы сделали на моем месте? — спросил человечек жалобно. — Ну, скажите, что бы сделали вы? Заявили в полицию? Допустим, там мне верят и сажают на несколько ночей у моей двери детектива. В эти несколько ночей ничего не происходит, охраня снимают, и я убит! Они могут добраться до меня в один прекрасный день, когда я буду идти на работу. Или возвращаться домой. Не могу же я остаток жизни провести в своей комнате! Ну, как бы вы поступили? — спросил он ноющим тоном.

— Не знаю, — ответил Лоу. — Думаю, так же, как вы.

— Я решил сбежать, — сказал человечек. — В Балтиморе у меня живет матушка. И я еду к ней. Больше некуда. Но если брат им и это сказал — значит, я еду прямо к ним в лапы. Я уверен, что кто-то из их людей вполне может находиться сейчас в одном со мной поезде в эту самую минуту...

Со счетом в руке к ним приблизился бармен. Это был высокий рыжеволосый мужчина с мелкими чертами лица и чопорной улыбкой.

— Желаете еще чего-нибудь, господа? — спросил он.

Маленький человечек покачал головой и положил на стол купюру.

— Сдачи не нужно, — сказал он.

Рыжеволосый поблагодарил его и отошел.

— Не исключаю, что он — один из них, — с пафосом произнес человечек.

— А может, они решили верить вам и забыть обо всем? — предположил Лоу.

— Может, и так, — слабо откликнулся тот. — А может, минут через десять меня и в живых уже не будет.

Он допил спиртное и отодвинул бокал.

— Не хотел причинять вам беспокойство, — сказал он. — Просто нужно было выговориться. Не обращайтесь внимания. — Он нетвердо поднялся со стула. — Знаете, у меня от выпитого слегка голова кружится. По-моему, мне лучше пройти сейчас в открытый вагон, свежего воздуха глотнуть. Прощайте.

Он двинулся по направлению к двери.

— Погодите, — сухо произнес Лоу. — Я пойду с вами.

Перевел с английского
Сергей НИКОЛАЕВ.
Ростов-на-Дону.

КРАСНАЯ ЛУНА

К Ивану Киуру — поэту, самому, быть может, неоднозначному, люди долго приступались почему-то именно с самыми примитивными требованиями! Заслуженные поэты, почти академики, бакалавры изящной словесности, можно сказать: вроде бы не снисходившие прежде ко вкусам «черни», — готовы были сами вдруг в эту «чернь» превратиться, — в старинных дровосеков там каких-нибудь или углекопов (со всеми вытекающими отсюда издержками производства и с новой неведомой судьбой!), а лучше — попросту в темных, провокационно-невежественных баб, — специально для того лишь, кажется, чтобы придаться к поэту, — как бы от лица «народа», проверяя: «складно» или «не складно» он стих составил и рифма — есть или нетути?... Словно и ведать не ведали никогда, сердешные, о самом даже существовании нерифмованного, к примеру, стиха или стиха с усложненным либо смешанным ритмом... Словно и не они это (ась?) и не у него, не у Ивана Киуру переняли даже и самое идею возвращения верлибра и раешного стиха на почву, — в страну, где такой стих — бывал, мелькал, конечно, в просветах, но до Ивана Киуру — широко распространен не был. А тут ведь даже целые исследования по верлибру вдруг появлялись стали! Исследования, в которых было все, что угодно и о ком угодно... И только об Иване Киуру — ни слова!

Между тем я хорошо помню даже самый момент, когда — с помощью именно Ивана Семеновича начал к нам возвращаться и утверждаться в нас верлибр. Да и как мне забыть о том, что в точности совпало с началом знакомства моего с поэтом, а там — и целого тридцатилетия нашей совместной жизни? Кстати сказать, верлибр и сосватал нас!

Тогдашняя московская «Художественная

литература» предложила Ивану Семеновичу как поэту, знающему язык, собрать переводчиков для сборника стихов классика финской поэзии Катри Вала — «Далекий сад». Но остальные переводчики к тому времени подобрались как-то сами, а Иван Семенович обратился ко мне. Тогда-то он и описал мне особенности верлибра, в коем только и возможно, говорил он, переводить Катри Вала. Смеясь, возмущаясь и снова смеясь (тогда он много смеялся!), призвал меня в безрезультатности всех своих протестов переводу Катри Вала в «некрасовском размере», как то: «Однажды в студеную зимнюю пору Я из лесу вышел. Был сильный мороз...» Со свойственной ему вообще горячностью Иван Семенович изо всех сил стремился спасти Катри Вала от уготованной ей отдельными прелгателями ритмической гибели! Так — рука об руку — и вошли мы, студенты, в «Далекий сад». Той далекой и дружной весной шестидесятников... И хотя нашу с ним работу кто-то весьма неудачно «поправил», рекомендации Ивана Семеновича о книге были приняты: и редакцией, и некоторыми ранее бунтовавшими переводчиками.

**О луна! Какая ты багряная!
Где была ты? Что видела?
Тихо выплываешь ты из-за деревьев,
И на лице твоём — странный трепет.**

Так переводил стихотворение «Красная луна» сам Иван Семенович, тогда еще совсем молодой...

Складно ли? (Не забыть спросить у академиков, работающих под «бабу»). Полно! В верлибре и раешнике никогда не бывает «складно». Но, пожалуй, никто уже сегодня не скажет, что это не стихи, не поэзия.

А главное — в горниле той первой (но не последней!) его борьбы (за верлибр здешний,

не единственно европейский); в горниле тех первых опытов и первого опыта начал уже выплываться и выковываться совершенно особый и в й верлибр: Ивана Киуру. Интуитивнейший и прихотливейший и, в то же время какой-то тропически-жаркий и небывало крупный! Верлибр, неожиданно наделенный приметам эпоса и, соответственно, столь значительной интонацией, какую вряд ли бы могла породить давно примелькавшаяся нам брикетная стиховая система:

**Имбирь. Корица. Перец.
Пряности благословенных
стран за морями южными
Легендами Тысячи и Одной ночи
пахнули
в пылающие лица воинов, купцов и
мореходов,
Взбудоражили страны,
как валы океана
материки всколыхнули...**

И всегда — ком подступал к горлу на приближении к следующей строфе:

**...И воплям вдов и сирот
на великих реках
Была стихия океанов рада
И дивилась безумному смеху
на вантах танцующего человека,
Провидящего вдаль — Эльдorado...**

И странная, нестерпимо-палая смесь восторга и горя — там, где, все медленнее вздымаясь и опадая, словно бы через силу, успокаивается бунтующий стих:

**И шли на дно:
Имбирь, корица, перец, —
Пряности благословенных
Стран... А с ними — иллюзии смелых...**

Геррический верлибр! — этого еще не бывало. И хотя тщетность многого берется здесь на величественный просвет, но ведь не тщетны — сам Подвиг, сама сила духа, само Стремление! И мысль эту Иван Киуру еще разовьет в «Легендах моря», и тогда вновь подымется в полный рост вся отчаянность человека и человечества... Ибо не в эльдорадском (мифическом!) золоте дело... Ибо здесь не один только вздох последней неразрешимости пролетит, но и грянет восторг целой эпохи!

Новелла МАТВЕЕВА.
Москва.

ОСТАНЬСЯ!.. Памяти ренессансного Поэта и живописца — Вильгельма Левика.

Серость — это лишь основа
И кудель! Она дана
Для движения цветного
От звезды кружений — сна!
Птица-утица речная
О себе, наверно, знает,
Что движением красна?!

Описать ее нетрудно..
Где черна где — изумрудна.
Словно майская трава,
Дикой утки голова
Клюв из золота, а шея,
тенью водорослей мшея,
Светит крапом серебра
Гибкая спина пестра
Чернью белого пера..
Вся — текучая, как воды,
Дочь течений, дочь свободы,
Гений света и добра!

Я теперь не царь природы, —
Не стесню твоей свободы,
По-над утра тишью звонкой
Вновь мелькнут нам тут, как встарь,
Золотые перепонки
Лапок серых киноарь.
Как зари холодной, росной,
Голос об охоте грозной,
Испугает тишина..
Но не бойся: даль ясна! —
Дочь свободы невозможной,
Бога русских рек жена!

(Рек лозовых и ольховых,
Рек, лазорево-альковных
И черемуховых рек,
Исчезать не вдруг готовых,
Как задумал человек!)

Птица,
Я тебе желаю
Миллионы лет прожить!
И — с речным зеленым богом, —
И — по рекам и протокам,
И по заводям широким —
В звездах, как Земля, кружить!..
Зорь горенье сторожить,
Радость людям ворожить,
Дочь Движенья золотая!..

Ты полсвета облетала, —
Все газеты заметала.

Иван КИУРУ

Подожгла куст краснотала!
Впрочем, ты не виновата,
Что житуха серовата —
В ней слепых тонов — немало..
Что твой пестрый цвет? Основа
Для движенья, но — цветного!
Птица танца водяного, —
Кружевного, неземного, —
В реках кругового танца!

Говорю тебе — останься!
Землю с небом сочетая,
В мрак — свободы блеск вплетая,
Рек царицею останься!

Сентябрь, 1991 г.
(Сходня).

МАНСАРДЫ (Поэма. Отрывок).

..Наш дом!
Чего он ни изведаль!
Конечно, речь не о победах.
Теперь всего о том лишь речь,
Чтоб Оттепель — другим сберець!

Нас берегли газеты шведов,
Друзей нежданных Голоса
Творили просто чудеса,
Даря нас Гласности дарами!

Поэты не повымирали
Тем голосам благодаря —
Людей, уплывших за моря —
Свободы, а не злата ради.

Мир повисал на волоске..
Хоралы бездн — не отзвучали.
Но я опять — не о тоске;
О крошечной, но о святой победе,
Которую пригнал нежданный ветер,
Нам всем —
В крутой времен реке..
Был! — Пал — Загадкою! —
Неразрешимой! —
Дух, убивающий, режим..
Уйдем ли от него? Сбежим ли?
Нет! От себя не убежим.
Зачем одеваться под социалиста?

Мы горькие, красные, яркие листья —
Не здесь, а ведь в том далеке!!!

..Но я опять не о тоске!
Ведь нам ее с лихвой хватало.
По всем ухабам всех мотало..
Теперь в беде мы. Налегке;
Не с жемчугом — с песком в руке!

1 окт. 1991 г. (Сходня).

БАРКАРОЛЛА

Светлой памяти
Наташи Чадаевой

Вдоль Большого Канала Венеции
Плывут за гондолой гондола..
А Бродяжке — то некуда деться ведь, —
Ноги босы и тело голо.

Он когда объявился в Венеции?
О том вам никто и не скажет..
Не увидит прохожий — венец его,
Раны его — не помажет.

Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Шаль накинет на голые плечи?
Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Раны его залечит?

..И текут века за веками..
И плывут по Каналу гондолы..
И уже обратился в камень
Бродяжка босой и голый.

Камень жив! Его кожа трепещет
Утром зябким и серым и лунным..
Даже рыбы плывут из Лагуны
Глядеть эту скорбную вечность..

Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Шаль накинет на голые плечи?
Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Раны его залечит?

Уж давно обратился в камень,
Но витает душа его где-то —
Дорогами долгих исканий,
По базарам безумного света..

В полдни летние городу жарко
А Бродяжке всегда только зябко.
Лишь голубки небесная лапка
Его греет в республике Марка.

Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Шаль накинет на голые плечи?
Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Раны его залечит?

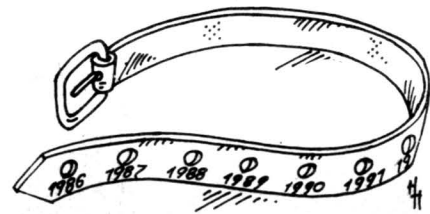
..на мосточках на каменных
У далекого синего моря
Под небом лазурным и пламенным
Сына ищет и кличет сеньора..

1977 г. Переделкино.

КРИЗИС? ЖАНРА! ПЬЕХАЛИ!

..рпзнаться, «45» не ожидала, что конкурс на САМОЕ ДОБРОЕ и САМОЕ СЕРДИТОЕ ПИСЬМО в Сезоне 92—93 вызовет такой поток читательских откликов. Призы — понятное дело, заинтересовали многих. Еще бы! Книги, пластинки, фотографии с автографами популярнейших звезд эстрады, известных деятелей науки, политики, культуры. Но только ли они?! Судя по всему — и к счастью! — нет. Ибо в письмах, которые приходят в адрес редакции, — не только дифирамбы, оды, панегирики, а также эпиталамы и проклятия, но и дружеские (умнощие!) советы, иронические замечания, деловые пожелания.

Продолжаем знакомить вас с избранными местами из переписки с друзьями и недругами «45».

«Хорошая идея — «Судьба-Сервис». И вот почему. Многие фирмы, желающие заявить о себе, пока не имеют достаточных средств на полосную красочную рекламу, однако в поиске партнеров нуждаются. «Судьба-Сервис» предоставляет им возможность за умеренную плату найти искомого в стране или за рубежом, тем более что к проекту подключен «Деловой визит» — московское издание, пользующееся заслуженным авторитетом среди руководителей ведущих предприятий России.

Владимир НИКОНОВ,
предприниматель. Феодосия».

«Громить вас буду регулярно по следующим причинам: во-первых, «45-я параллель» совершенно индифферентна к политическим партиям и течениям, а также их лидерам: будь то господин Жириновский или господин Аксютин; во-вторых, ваш ежемесячник претендует на элитарность, высокобость — он чтение не для всех, поэтому недемократичен; и, наконец, вы роскошествуете с цветом в наше сероубое время — что? деньги некуда девать?»

Семен ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
психоаналитик
Москва».

«Хотя и сожалею о прежнем объеме любимой мною «45-й параллели», убедилась, что журналисты, ее выпускающие, сумели преодолеть кризис жанра и на меньшей площади, практически без потерь, публикуют весьма и весьма интересные как по форме, так и по содержанию материалы. Спасибо за встречи с Эльдаром Рязановым, Александром Градским, Александром Сокуровым, Борисом Заходером, Андреем Битовым..

Людмила КВАСОВА,
тележурналист,
Ростов-на-Дону».

Учредители — Ставропольский фонд культуры и группа граждан России.

Главный редактор
Сергей СУТУЛОВ

Регистрационное удостоверение

Мининформпечати России № 1499.

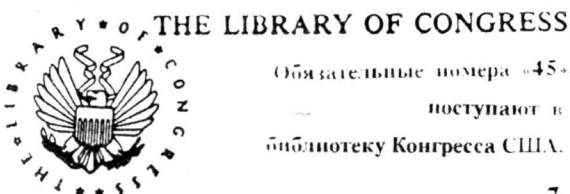
Офис: 355045, Ставрополь, ул. Суворова, 1,
тел. 3-18-94.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
При перепечатке ссылка на «45» обязательна.

© АО «45-я параллель»

Издательство «Ставропольская правда»
355045, г. Ставрополь, ул. Спаотакса, 8.

Подписано в печать 23.07.92 г. Заказ № 962.

Обязательные номера «45-я параллель»
поступают в
библиотеку Конгресса США.

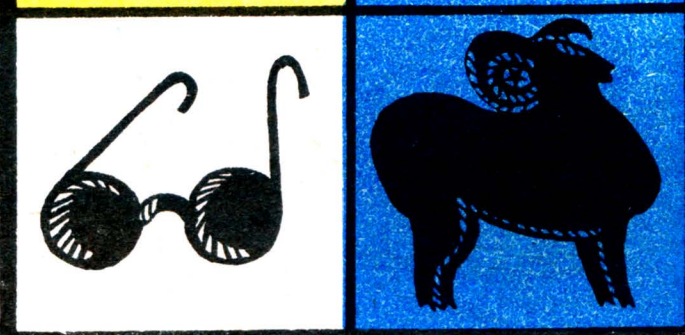
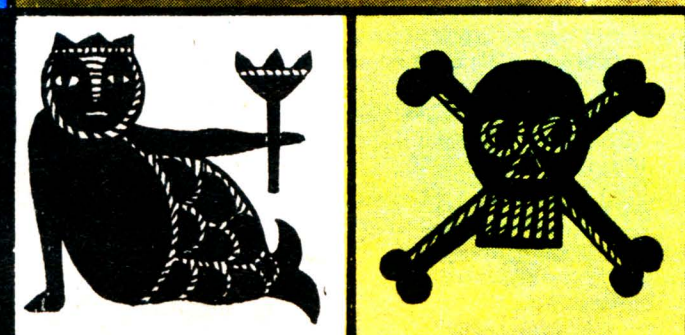
вольтеровское

КРЕСЛО

Лавры «Поля чудес» нам не дают покоя. И хорошее честолюбие движет изданием, нашедшим хорошего спонсора. Таковым стала фирма «Яkonto — Юг», предложившая в качестве трех призов в новой «Миллион-игре» три чуда видео- и аудиотехники. Контактные телефоны фирмы-спонсора (865-22) 2-76-34 и (865-22) 2-71-84.

Итак, каждый из читателей «45-й параллели» может стать обладателем видеодвойки (телевизор плюс видеомэгафон фирмы «Панасоник»), стереокомбайна «Радиотехника» и плеера «Сони». Правила игры, с одной стороны, просты, с другой — как сказать. Перед вами тридцать купонов, каждый из которых несет свою, достаточно известную символику.

ЯКОНТО+45
ИГРА
МИЛЛИОН

Редакция «45» одним (только ей известным!) способом пометила три купона, размещенные на этой странице. Вырежьте выбранный вами купон, вложите его в конверт вместе с квитанцией об оплате — 100 рублей, переведенных на р/счет 467750 в Промкомбанке г. Ставрополя, МФО 231211. Можно участвовать в двух разрядах (два купона плюс 200 рублей) и трех — соответственно. Но не более. Желаем удачи! Победители получат извещение на приз.

